

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ «СОВЕТСКОСТИ» В ШКОЛЬНОМ БУКВАРЕ 1920–1930-Х ГГ.: КОНТЕНТ, СТРУКТУРА, ДИНАМИКА

А. Ю. РОЖКОВ

В статье описаны результаты исследования по выявлению динамики, структуры и содержания визуальных образов как инструмента индоктринации «советского» в букварях для школ Северного Кавказа на рубеже 1920–1930-х гг. Важнейшим идентификационным признаком «советскости», по мнению автора, является противопоставление советского канона всему «чуждому»/«чуждому» — досоветскому (монархическому, дореволюционному) и западному (буржуазному, капиталистическому). Методологически работа выстроена в рамках формального семиотического анализа иллюстраций по типологии знаков Ч. Пирса. Для интерпретации более глубоких общественных структур, отображенных в иллюстрациях, применена концепция структурной интерпретации П. Штомпка в виде модели INIS. На практическом материале установлено, что резкое (в 3,5 раза) увеличение визуального индекса «советскости» приходится на период 1930–1932 гг., что совпало по времени с отменой комплексного метода преподавания и возвратом к предметной системе обучения. Наряду с этим наблюдается некоторое возрастание роли текстовых образов в советизации сознания младших школьников по сравнению с визуальными.

Значимая роль в грандиозном большевистском проекте по переустройству общества и созданию «нового человека» изначально отводилась единой трудовой школе, которая противопоставлялась «отсталой», «отживающей», «мелкобуржуазной» семье. Недостаток учителей новой формации, подготовленных в советских вузах, в определенной мере должен был компенсироваться идеологически корректным содержанием новых школьных учебников и отказом от прежней учебной литературы. Самой первой учебной книгой, с которой сталкивался школьник I-й ступени в 1920–30-е гг., был советский букварь (как вариант — «Первая рабочая книга (вместо букваря)» и подобные этому названия). Знакомство с букварем для еще не умеющего читать начинается с визуальных образов. На сакраментальный вопрос: «С чего начинается Родина?» неслучайно первым ответом звучит: «С картинки в твоём букваре...» Именно картинки из первого советского букваря стали, например, «якорем» воспоминаний в рассказе «Старый букварь» из книги В. М. Шаповалова «Дедушкины вечера. Повесть и рассказы»: «Рабочий, бьющий молотом по наковальне — искры звездочками разлетаются;

красноармеец с метлой, метущей толстых клопов в черных фраках — летят горбоносые и толстопузые в пропасть!»¹

Задача статьи — на основе исследованных первоисточников описать динамику, структуру и содержание визуальных образов как инструмента индоктринации «советского» в школьных букварях специфического северокавказского региона в 1927–1932 гг.²

Рассмотрение вопроса правомерно начать с определения термина «советскость» (*sovietness*), который пока еще слабо концептуализирован, несмотря на возрастающую распространенность в современной литературе³. Опираясь на трактовку этого понятия М. Е. Поповым, определяющего «советскость» как, прежде всего, *надэтническую* идентичность (в отличие от «русскости»)⁴, предложу свою формулировку термина, исходя из предметного поля данного исследования. Под термином «советскость» мною понимается социально-культурный комплекс мировоззренческих установок и поведенческих норм, прививаемых советской пропагандой и воспитательными практиками детям в СССР с целью формирования у них советской (коммунистической) идеологии, советской идентичности, кристаллизации советских символических универсумов (в терминологии П. Бергера и Т. Лукмана). Важнейшим идентификационным (ограничивающим) признаком «советскости» является противопоставление советского канона всему «чуждому»/«чуждому» — досоветскому (монархическому, дореволюционному) и западному (буржуазному, капиталистическому).

Хронологическими рамками исследования является период 1927–1932 гг. Этот выбор обусловлен происходившими в то время радикальными изменениями в политике издания учебной литературы для начальной школы, нарастающей идеологизацией обучения в школе I-й ступени. В 1926 г. состоялась I Всероссийская конференция по учебной и детской книге, наметившая курс на замену старых учебников новыми советскими рабочими книгами. Начиная с 1927/1928 учебного года публикуются рекомендательные списки учебников, в которых существенно сократилось количество допущенной литературы для начальной школы⁵. В 1929 г. в стране заметно активизируется антирелигиозная пропаганда, которая стремительно проникает в школу, включая буквари. Осенью 1931 г. официально отменяется комплексный метод преподавания и восста-

¹ Цит. по: *Борисов С. Б.* Энциклопедический словарь русского детства: в 2 т. Т. 1. А — Н. Шадринск, 2008. С. 68.

² По периодизации Т. С. Маркаровой и В. Г. Безрогова это «второй подпериод» в трансформации школьного учебника. См.: *Маркарова Т. С., Безрогов В. Г.* Партийное возвращение к чистой человечности // «Букварь — это молот»: учебники для начальной школы на заре советской власти 1917–1932 гг.: сб. науч. тр. и материалов. М., 2011. С. 6.

³ См., напр.: *Сальникова А. А.* Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007; *Она же.* «Блестящий воспитатель»: ёлочная игрушка как инструмент надления «советскостью» // Ребенок в истории и культуре: тр. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 4. М., 2010. С. 370–402; *Fürst J.* Stalin's last generation: Soviet post-war youth and the emergence of mature socialism. Oxford; New York, 2010 и др.

⁴ *Попов М. Е.* Антропология советскости: философский анализ: дис. канд. филос. наук. Ставрополь, 2004. С. 98–99.

⁵ *Сенькина А. А.* Книга для чтения в 1920-х годах: старое vs новое // Учебный текст в советской школе: сб. ст. / С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский, сост. СПб., 2008. С. 38–44.

навливается предметная система обучения, положившая конец педагогическим экспериментам 1920-х гг.

Источниками послужили буквари, изданные на рубеже 1920–1930-х гг. для школ I-й ступени Северо-Кавказского края. Исходя из объема статьи и задач исследования, пришлось уменьшить количество анализируемых учебников по сравнению с предыдущим опытом⁶. Всего детально исследовано шесть изданий, вышедших в свет в 1927–1932 гг. — три букваря («И мы работаем», «В школе и дома», «Путь к грамоте»), изданные в начале перехода к новой политике учебных изданий (1927–1929), и три, вышедшие в финальной части перехода в 1932 г. («Октябрята», «В бой за грамоту», «Красный горец»). Все они изданы в центре Северо-Кавказского края — Ростове-на-Дону. Три из них называются «первой рабочей книгой (вместо букваря)», одно маркировано как букварь для городских школ, одно — для сельских школ. Шестой букварь — «Красный горец» — стоит особняком и называется «первой книгой по русскому языку» для горских школ I-й ступени. Количество исследованных страниц выборочной совокупности — 494, в том числе 444 страницы с визуальными образами (без текста, либо с текстом). Для сравнения приводится статистика по другим четырем изданиям букварей в хронологическом промежутке 1930–1931 гг. Буквари для подростков и для взрослых в выборку не включались. Методическим подспорьем при решении задач исследования стали контент-анализ визуальных образов, а также их семиотическая и структурная интерпретации по П. Штомпка⁷.

Динамика

Прежде чем перейти к анализу формальной структуры и содержания визуальных образов «советскости», целесообразно обратить внимание на динамику советизации содержания букварей. Поясню некоторые понятия, используемые в табл. 1, которая составлена на основе результатов контент-анализа учебников. Под «интегральным маркером советскости» понимается страница как единица анализа, на которой были репрезентированы визуальные и/или текстовые маркеры «советскости». Эти страницы по насыщенности «советскостью» могли быть неравнозначны, от едва заметного единичного советского символа на одной из них до полностраничного текста или крупного рисунка на другой. Отдельно, учитывая тему исследования, был выделен «визуальный маркер советскости» — страница, где были представлены только визуальные образы «советскости» (без текста, либо с текстом). Отношение страниц с интегральными маркерами «советскости» к общему объему издания дает нам интегральный индекс «советскости», а отношение страниц с визуальными маркерами к объему букваря — визуальный индекс «советскости».

⁶ См.: Рожков А. Ю. Иммунизация «советскости»: северокавказский букварь как транслятор идеологии (1927–1932 гг.) // «Начало учения дьтемь»: роль книги для начального обучения в истории образования и культуры: сб. ст. под ред. В. Г. Безрогова, Т. С. Маркаровой. М., 2014. С. 277–307.

⁷ Штомпка П. Визуальная социология: Фотография как метод исследования. М., 2010. С. 83–94.

Таблица 1

Индекс «советскости» букварей Северного Кавказа,
1927 – 1932

Название букваря	Статус	Авторы	Место, год издания	Объем, стр.	Интегральные советскости, стр.	Визуальные маркеры советскости, стр.	Интегральный индекс советскости, %	Визуальный индекс советскости, %
И мы работаем	1-я рабочая книга вместо букваря	Г. Сердюченко А. Донецкая	Ростов н/Д, 1927	91	14	12	15	13
В школе и дома	1-я рабочая книга вместо букваря	Г. Сердюченко А. Донецкая	Ростов н/Д, 1928	100	12	10	12	10
Путь к грамоте	1-я рабочая книга вместо букваря	А. Труфанова и др.	Ростов н/Д, 1929	100	20	9	20	9
<i>Итого, 1927–1929</i>				<i>291</i>	<i>46</i>	<i>31</i>	<i>16</i>	<i>11</i>
Октябрята	Букварь для городских школ	Ф. Бородина	Ростов н/Д, 1932	64	41	19	64	30
В бой за грамоту	Букварь для сельской школы	С. Балкунов и др.	Ростов н/Д, 1932	59	48	26	81	44
Красный горец	1-я кн. по рус. яз. для горских школ	Ф. Кальницкий и др.	Ростов н/Д, 1932	80	63	32	79	40
<i>Итого, 1932</i>				<i>203</i>	<i>152</i>	<i>77</i>	<i>75</i>	<i>38</i>
Всего				494	198	108	46	25

Из данных табл. 1 следует, что в 1927–1929 гг. в исследованных букварях интегральный индекс «советскости» в среднем составлял 16%, визуальный — 11%. Иными словами, в букваре из 100 стр. всего лишь на 16 стр. располагались визуальные и текстовые упоминания советских символов и терминов. При этом заметно преобладали визуальные образы. В течение следующих двух-трех лет ситуация резко поменялась, постраничная «дозировка» «советскости» к началу 1930-х стала избыточной. В изданиях 1932 г. количество интегральных маркеров «советскости» возросло в 3,3 раза, визуальных — в 2,5 раза. При этом интегральный индекс «советскости» вырос в 4,7 раза, визуальный — в 3,5 раза. Такая динамика объясняется как численным ростом упоминаний советских символов и терминов, так и тем, что буквари стали в среднем на 30% тоньше. В начале 1930-х гг. визуальный индекс вдвое уступает интегральному, хотя в конце 1920-х это соотношение составляло 1,5 раза, т. е. текстовые маркеры «советскости» становятся определяющими в советизации сознания младших школьников по сравнению с визуальными.

В предыдущем исследовании мы установили, что резкий перелом в «советизации» букваря на Северном Кавказе наступил в 1930 г., а в 1931–1932 гг. он достиг своего апогея⁸. Динамику визуального ряда в букварях нагляднее всего проследить на примере разных изданий условно «одного и того же» букваря Г. Сердюченко и А. Донецкой «И мы работаем» (1927, 1929, 1930, 1931 — «И мы ударники»). Если содержание первых двух изданий почти не отличается между собой, то третье, и особенно четвертое, изменены практически полностью. Они значительно сократились (третье — почти на четверть, четвертое — почти вдвое). С каждым выпуском иллюстраций в букварях становится меньше, однако они становятся крупнее и четче. Третье и четвертое издания стали более политизированными (объем информации с маркерами «советскости» возрос с 15 до 54% и 80% соответственно).

Содержание

Символическая кодификация канонических представлений о «советскости», выраженная в визуальных образах в букварях рубежа 1920–30-х гг., определялась преобладающим в младшем школьном возрасте наглядно-образным мышлением⁹. И на взрослых визуальное больше действует, чем слова¹⁰; однако на детей, не умеющих читать, оно обладает особенной силой воздействия. «Простые» символы образуют ядро культуры, обладают большей культурно-смысловой емкостью и значительно большими смысловыми потенциями, чем сложные¹¹. Стоит согласиться с тем, что визуальный ряд букваря «иллюстрирует не те или иные научные сведения, а сведения скорее *базового порядка*», которые «предполагают

⁸ Рожков А. Ю. Указ. соч. С. 281.

⁹ Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М., 1997. С. 278–279.

¹⁰ Капран В. И., Капран О. В. Психология и разработка рекламной продукции. М., 2008. С. 178.

¹¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб., 2000. С. 242.

трансформацию из приходящих в школу “других” — в “единого, одного” ученика, имеющего схожие навыки, отношения, личностные черты»¹².

Визуальные образы начинались с обложки букваря. В исследованных книгах почти все обложки (кроме «В школе и дома») были цветными. Это единственные цветные картинки в данных учебниках, с соответствующими для того периода невысокими характеристиками цветопередачи. Динамика репрезентации визуальных образов на обложке демонстрирует переход от мелких рисунков к крупным. Если в 1927 г. в букваре «И мы работаем» рисунок, размещенный в центре в кругу, занимал менее 13% площади обложки, а в букваре «Путь к грамоте» (1929) рисунок в нижней половине обложки занимал 26,5% её площади, то в двух букварях 1932 г. (за исключением книги «Красный горец») зона рисунка намного больше — 40% в букваре «В бой за грамоту» и 71% в «Октябрят».

Рис. 1. Обложка букваря для городских школ «Октябрят»

Визуально эти рисунки воспринимались в размер обложки, поскольку были органично объединены с названием букваря, а линии, отделяющие зону рисунка, были либо смещены к границам обложки либо отсутствовали. Сами образы (дети, учитель, символика) стали крупнее, мимические выражения лиц четче прорисованы, что передавало эмоциональную информацию (рис. 1).

Рассмотрим визуальные образы в букварях как *знаки-иконы*, *знаки-указатели*, *знаки-символы*¹³, отмечая условность и сложность такой классификации, на что указывал ее создатель Ч. Пирс. Многие визуальные образы в букварях смешаны и содержат все три вида знаков, трудно отличимых между собой. Тем не менее можно достаточно уверенно зафиксировать некоторые принципиальные различия в визуальных знаках в букварях 1927–1929 гг. и начала 1930-х гг. В первой группе букварей начальные страницы содержали больше иконических знаков. Множество изображений знакомых

¹² Баранникова Н. Б., Безрогов В. Г., Тендрякова М. В. Правило в(з)гляда: к теории семантико-педагогического анализа иллюстрации в учебнике для начальной школы // «Картинки в моем букваре»: Педагогическая семантика иллюстраций в учебнике для начальной школы. М., 2013. С. 53. Курсив мой. —А. Р.

¹³ Пирс Ч. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3. С. 88–95.

ребенку простых образов — дом, кошка, перо, крынка, метла, карандаш, окно — встречали не умеющего читать школьника на самых первых страницах учебника. В букварях начала 1930-х знаки-иконы тоже присутствуют, но начинаются, как правило, не ранее 6–7-й страницы. Самые первые страницы этих букварей содержат специальную добукварную часть, в их варианте наполненную смесью из знаков-индексов и символических знаков. Так, букварь «В бой за грамоту» начинается с полностраничного изображения митинга у школы по случаю начала учебного года (стр. 3). Следом идут рисунки с другими жизненными ситуациями, изображавшие детскую игру и рыбалку, сенокос, сбор фруктов и т. д. Букварь «Октябрята» тоже встречает школьника ситуативной картинкой, отображавшей будни городских улиц (стр. 3), зоопарка, игр на реке, летнего детского отдыха, пионерского лагеря, с палатками, купанием в реке и маршировкой под барабан. Затем следуют страницы с изображением школьного собрания, демонстрации в честь Международного юношеского дня, шествия рабочих к заводскому цеху, а также бытовые картинки, указывающие на повседневные ситуации городских обывателей. Только на 12-й странице школьник впервые встречается со знаками-иконами в виде чернильницы, книги и альбома. Есть и множество мелких деталей советской символики: октябрятская звезда и пионерский галстук, флаги, серп и молот, портреты Ленина (Сталина) на стенах класса и т. д. (рис. 2). Примечательно, что символические и указательные маркеры «советскости» преобладают в публичном пространстве (городские улицы, колхоз, завод, школа) и минимизированы в приватном (дом, квартира). Зачастую визуализация советских символов в иллюстрациях напоминает принцип «25-го кадра», основанный на подсознательном восприятии информации, поступающей в мозг, но не являющейся предметом внимания. Частое размещение мелких, едва заметных,

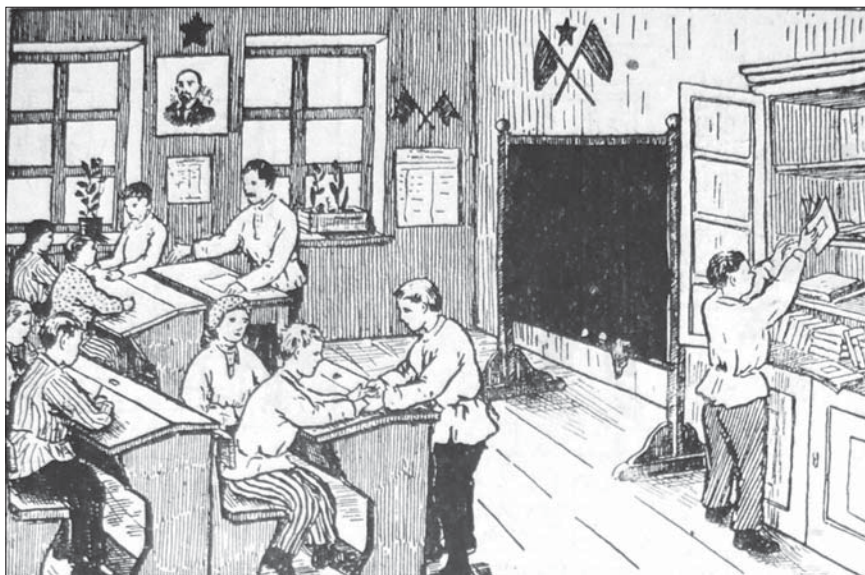

Рис. 2. «И мы работаем», 1927. С. 5

элементов советской символики в букварных иллюстрациях подобно эффекту «фоновых практик», контекстуальных обусловленностей социальной коммуникации¹⁴.

В качестве примера рассмотрим «дотекстовый» (в терминологии Г. В. Макаревич — «нетекстовый»¹⁵) визуальный ряд «советскости» — начальную (включая азбуку) часть букваря, когда ребенку еще не предлагались развернутые тексты. Отберем для количественного анализа три букваря, изданные в 1932 г. — для городских, сельских и горских школ. В букваре «Октябрята» из 22 страниц на 11 (50%) присутствуют различные символические репрезентации «советскости», в том числе из 6 дотекстовых страниц — на трех (50%). Букварь «В бой за грамоту» на 12 страницах из 23 (52%) отображает различные символические репрезентации «советскости», в том числе из 5 дотекстовых страниц — на одной (20%). В букваре «Красный горец» из 26 страниц на 13 (50%) присутствуют различные символические репрезентации «советскости», в том числе из 15 дотекстовых страниц — на семи (47%).

Таким образом, во всех трех букварях начала 1930-х условный индекс «советскости» примерно одинаков. Вместе с тем букварь для сельских школ вводил советскую символику осторожнее, чем букварь для городских школ, однако использовал образы «врага», чего не было в городских учебниках. Самый протяженный «дотекстовый» фрагмент, втрое больший, чем в других букварях, был в учебнике для горцев. Советская символика представлена в нем крупными портретами лидеров большевиков, чего не было в других букварях (рис. 3). В целом

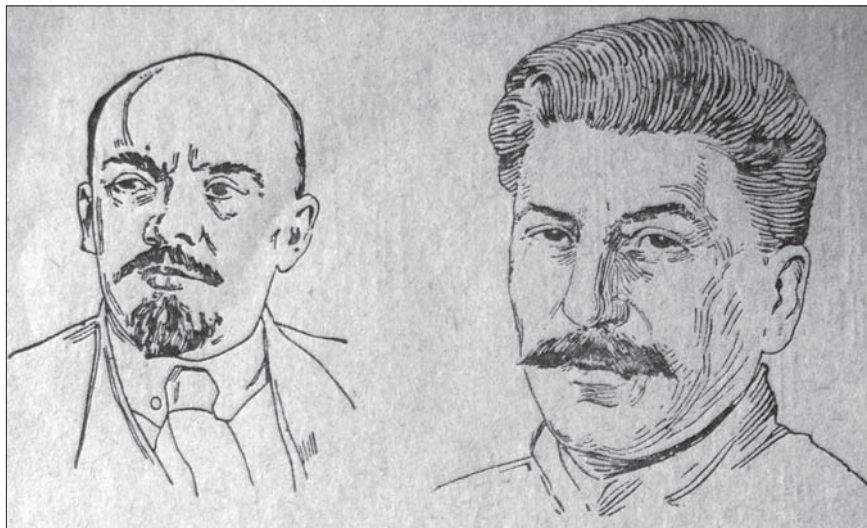

Рис. 3. Первая книга по русскому языку для горских школ «Красный горец», 1932. С. 3

¹⁴ Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб., 2008. С. 18–21.

¹⁵ Макаревич Г. В. Иллюстрация в учебной книге: семантико-педагогический анализ (исследовательская матрица) // «На фоне Пушкина воспитанное детство»: Педагогика визуального в учебнике и на картине: сб. ст. и материалов. М., 2011. С. 196.

советская символика визуально вписана в релевантный контекст: в городских учебниках в изображения города — улиц, квартир, лестниц, демонстраций; в букварях для сельских и горских школ — в повседневный контекст школы и села (аула) с колхозной сельхозтехникой. Если в городских букварях советская символика (флаги) была инкорпорирована в школьную жизнь, то в сельских (флаг, серп и молот) и горских (звезда, серп, молот) символика изображена отдельно и прорисована более детально. С увеличением текстового (букварного) объема формат рисунков уменьшается, появляются отдельные мелкие рисунки как иллюстрация к тексту.

Структура

После описания динамики и результатов формального семиотического анализа иллюстраций в букварях перейдем к интерпретации их более глубоких пластов. Для этого воспользуемся концепцией структурной интерпретации, предложенной П. Штомпкой в виде модели INIS (интеракция, нормативная структура, идеальная структура, структура возможностей)¹⁶. Проанализируем подробно три букваря 1932 г.

Интеракция. Данные буквари содержат разнообразный визуальный материал, репрезентирующий ученику символическое изображение «советскости». В отличие от букварей конца 1920-х, в учебниках 1932 г. визуальная интеракция начинается с обложек двух изданий из трех. На обложке букваря «В бой за грамоту» изображена ситуация урока (рис. 4). Учитель во френче (типичный комиссар периода Гражданской войны) стоит у доски с надписью «В бой за грамоту» и пристальным взглядом смотрит на учеников. Школьники, изображенные со спины, послушно записывают за ним. Фигура учителя заметно возвышается над ребятами, подчеркивая его несомненный авторитет. Рисунок обрамляет стилизованная символика серпа (в виде изогнутого колоса) и молота. Обложка букваря «Октябрята» (рис. 1) изображает ситуацию дружного взаимодействия в группе сверстников: октябрюта готовятся к

Рис. 4. Обложка букваря для сельских школ «В бой за грамоту»

¹⁶ Штомпка П. Указ. соч. С. 89–94.

своему празднику. В центре рисунка портрет Ленина, на груди у октябрят крупные красные звезды. Красный цвет доминирует: скатерть из кумача, красные флаги и гирлянды. Один из октябрят пишет красной краской лозунг: «Тех, кто любит труд, октябрятами зовут».

Оба примера относятся к сложной (по Дж. Миду) интеракции, когда задействовано большое количество акторов. Следующие за обложкой страницы этих двух букварей содержат иллюстрации с еще более сложной интеракцией: начало учебного года в виде митинга и торжественного построения у школьного здания; игры детей с мячом в реке на фоне движущегося пионеротряда; школьное собрание (очевидно, по случаю приема в октябрята) — в президиуме сидят только школьники, в зале — дети рядом с взрослыми (вероятно, родителями и учителями), в проходе у сцены с торжественным видом стоят пять октябрят, принятых в организацию.

Букварь «Красный горец» и в этом отношении отличается от предыдущих. Его обложка практически не содержит элементов взаимодействия, а первые страницы (мелкие по формату) если и отражают интеракцию, то преимущественно простую: рабочие несут носилки, школьники идут по полю. Вместе с тем особым видом интеракции внутри учебника выступает демонстрируемая сеть взаимодействий «человек-машина» и «человек-животное»: трактористы боронят поле, за ними следуют сеяльщики, затем возчики везут на подводах зерно к элеватору. Сложные интеракции также достаточно просты по схеме приоритета визуальных образов «советскости»: пионер играет на музыкальном инструменте во время танца селянок, пионерка читает неграмотным взрослым газету, учительница учит грамоте женщин аула, пионер с указкой что-то объясняет детям у доски и т. д.

Резюмируя, можно отметить, что в букварях начала 1930-х стало больше иллюстраций со сложной интеракцией, которая символизировала внедрение в городскую, сельскую и горскую повседневность советских практик. Рисунки вполне отчетливо отображали новые социальные статусы учителя, руководителя колхоза, пионера, октябренка разными приемами — прорисовкой деталей лица, одежды, символики; пространственной диспозицией «верха» и «низа»; посредством указующих жестов и внимающих лиц. Локализация (школа, клуб, мастерская, городской сад, колхозное поле, изба-читальня, дом, город, аул, станица, улица) актов взаимодействия (урок, собрание, митинг, маршировка, демонстрация, спортивные игры) вполне соответствовала социальной реальности того времени.

Нормативная структура. В букварях обнаруживаются предписывающие и запрещающие знаки, регулировавшие систему общественных отношений в тот период. Нормой тех лет стала активизация санитарного просвещения и связанная с ним медиализация детства. Впрочем, картинки, изображающие физзарядку, процедуру умывания, чистки зубов, мытья рук и проверки их чистоты перед занятиями, лишь косвенно относятся к нормативным знакам «советскости». Более явно эти знаки прочитываются в «санкционном» контексте, когда противопоставлены предписывающая ситуация визита к врачу и запретная — посещение знахарки. Советские школьные символы — октябрятская звезда и пионерский галстук — также несли в себе нормативные смыслы. В ситуации

взаимодействия, например, пионер всегда изображался выше или во главе октябрят, как их старший товарищ, наставник, руководитель занятия, игры. В букваре «Октябренок» был изображен нормативный ритуал советской инициации — посвящение школьников в октябрят. Нормативность интернационализма содержалась в рисунках на международные темы. На одном из них мы видим ребят из разных стран и континентов, отдающих пионерский салют, на другом — тему эксплуатации бедных богачами в зарубежных странах. Наряду с этим стоит отметить и нормативизацию «внутреннего» интернационализма среди взрослых, когда рядом с горцем в крепком рукопожатии изображен красноармеец с винтовкой, казак с косой и рабочий с молотом на фоне кавказских гор и дымящихся заводских труб.

Одной из самых ярких примет нового стало нормативное изображение женщины в северокавказском ауле на страницах букваря «Красный горец». На рисунках взрослая женщина всегда изображена без чадры, зачастую в окружении мужчин, причем в ситуациях производственного (в поле, в помещении) взаимодействия с мужчинами она с ними на равных (рис. 5). Есть картинки, где женщина-горянка изображена достаточно высоко социально — в роли рабкора или советского чиновника. Вместе с тем заметна некоторая осторожность в визуализации гендерного равноправия. Так, рисунки на тему ликбеза изображают не более двух-трех женщин в окружении десятка мужчин; есть рисунки, изображавшие только женские или только мужские коллективы (как правило, там головы женщин традиционно в платках или шалях, мужчины изображены в черкесках и папахах, гражданского костюма нет ни у кого). Рисунки, изображавшие взаимодействие детей, не содержат ограничений гендерного равенства.

Идеальная структура. Визуальная структура идей — не менее сложный объект для анализа, чем нормативная, и во многом схожа с ней по визуальным образам. Особенность раннесоветских букварей в том, что изображаемые идеальные образы были полярные, без полутонов: «правильная» (советская, атеистическая) и «неправильная» (буржуазная, религиозная) идеи. На картинках букваря «В бой за грамоту» немало изображений плакатов и лозунгов, конституировавших приоритет грамотности и образования — «Все за грамоту», «За всеобуч» и т. д. В другом букваре группа школьни-

Рис. 5. Первая книга по русскому языку для горских школ «Красный горец», 1932. С. 16

ков изображена с плакатом: «Все ребята — в октябрята». Немало рисунков, отражавших политическую борьбу на Западе и Востоке, — например, разгон уличных мирных демонстраций (судя по символам, в Англии, США, Франции, Китае). Тема укрепления обороноспособности страны от «мировых акул капитализма» отражена в образе «человека с ружьем», охранявшего мирный труд советских пахарей. Лозунги под соответствующими картинками: «Октябрята! К борьбе за рабочее дело будьте готовы!», «Машины — наша сила», «Советы — наша победа», «Детсады — наша забота» не оставляют сомнений в направленности визуальной структуры идей, отраженной в букварях.

Структура идей находила воплощение и в советской символике. Изображение звезды, серпа и молота, флага, портретов Ленина, Сталина, Орджоникидзе отражали четко заданный вектор политических идей. Идеальная (как и нормативная) структура была наиболее ярко репрезентирована в религиозной тематике. В исследованных букварях религия и церковь изображаются как «чуждые», непримиримые враги нового строя. Как правило, эта тема отображена на контрасте, в бинарных оппозициях: образ советского учителя, приветливо общавшегося с учениками, противопоставлен образу старого муллы, замахивавшегося на детей розгой. Толстый, невзрачный поп часто изображался в паре с пузатым кулаком — другим врагом советской власти (рис. 6). Осуществляемая в СССР секуляризация конституировалась в иллюстрациях наравне с освобождением женщин Востока.

Структура возможностей. Анализ структуры возможностей связан с изучением общественных контрастов вроде имущественного неравенства. На первый

Рис. 6. Букварь для сельских школ «В бой за грамоту», 1932. С. 17

взгляд это априорно ожидается в советских букварях в виде пропагандистских картинок на тему «Два мира — две системы». Понятно, что там не обошлось без явного визуального отображения социального контраста в странах Запада на расположенных рядом друг с другом рисунках: ночующий на скамейке рабочий и роскошные небоскребы буржуев; разгон демонстрации молодежи в Германии на фоне свободно марширующих советских пионеров и т. д. Однако наша задача сложнее — нужно интерпретировать те иллюстрации о советской стране, которые имплицитно указывают на социальное неравенство.

Разумеется, здесь вряд ли стоило ожидать картинок, рисующих детей из зажиточных и малообеспеченных семей в СССР. Вместе с тем, как отмечалось выше, в букварях немало рисунков, изображающих пионеров (в ряде случаев — и октябрят) в положении несколько более привилегированном по сравнению с другими учащимися. Их статус почти равен статусу значимых взрослых — учителя, врача, председателя колхоза. Вот пионер раздает какое-то задание младшим школьникам, а пионерка читает книгу первоклассникам. Вот октябрютам-ударникам вручают красное знамя. На другой картинке два пионера стоят рядом со знаменем, тогда как остальные, включая октябрят, — поодаль от него. Или пионер следит за тем, как октябренок проверяет чистоту рук. Конечно, в реальной жизни могло быть простой случайностью, что дежурство выпало на октябренка, однако изображение построено именно так. На одной из картинок пионерский галстук репрезентирован как символ уравнивания в правах учащихся из разных стран и континентов. Часть иллюстраций изображает гендерное равенство возможностей. Например, девочка орудует пилой на уроке труда наравне с мальчиком; пока мальчики рисуют плакат, девочки забивают гвозди молотком; мужчина пришел с какой-то бумагой к председателю сельсовета — женщине.

Как уже отмечалось, кулак и поп (мулла) изображены маргиналами, вызывающими отвращение — небритыми, толстыми, хитрыми, не отягощенными интеллектом. Символично показано место православной иконе рядом с другими предметами утиля — рваными башмаками, пустыми бутылками, игральными картами, консервными банками. Однако стоит признать: «классово чуждых элементов» в букварях визуализировано немного, гораздо больше информации о них содержится в текстовой части.

Несложно заметить контраст в изображении условий труда на современных объектах промышленности (завод, фабрика, электростанция) и ручного труда в колхозе. На картинках в «Красном горце» показано различие и внутри колхоза: более престижная работа механизаторов контрастирует с работой пастухов, работа прачек — с работой доярок. Любопытно символическое изображение профессий: просвещенец и совторгслужащий репрезентируют высокий образовательный статус; текстильщица, несмотря на нелегкий труд, работает у машины; менее престижные профессии коммунальщика, пищевода и точильщика связаны с физическим трудом. Примечательно, что и расположены представители этих профессий символически: первые три наверху, последние — внизу. Нельзя не обратить внимание на контраст в изображении городской и сельской (особенно горской) повседневности. Различные типы жилища, их интерьер и оборудование (электрическое освещение в городской квартире и отсутствие водопр-

вода в сельской хате) красноречиво указывают на социальное неравенство. Даже путь детей в школу изображен на контрасте: в славянской равнине он воспринимается как более легкий по сравнению с восхождением в гору для кавказских детей. В целом же видна тенденция к эгалитарности в визуальных образах людей и жилища в советских букварях на рубеже 1920–1930-х гг.

Таким образом, первому учебнику — букварю — принадлежала существенная роль во «впечатывании» в сознание и подсознание младшего школьника паттернов советской идеологии. С первых букварных иллюстраций детям прививалась биполярная картина мира с символами советской идентичности на одном полюсе и с «буржуями», «попами», «кулаками» и «вредителями» — на другом. Картинки готовили ребят к тому, что они скоро станут октябрятами и пионерами, ударниками труда. Нельзя не заметить отсутствие сказочных и былинных героев в иллюстрациях: букварь был призван воспитывать и просвещать, а не развлекать, репрезентация советского модерна в тот момент не уживалась с многовековой традицией. Большинство визуальных образов людей выглядит как вполне реалистичное, хотя и с долей «советской» идеализации и романтизации. В отличие от 1920-х гг. с начала 1930-х текстовые маркеры «советскости» становятся определяющими в советизации сознания младших школьников по сравнению с визуальными. В сознание ребенка, научившегося читать, авторы букварей полагали легче индоктринировать советские идеалы через идеологический текст, чем через рисунок. Возможно, интуитивно они ощущали, что слову легче противостоять действительности за окном, чем картинке. При этом я вовсе не настаиваю на образе букваря рубежа 1920–30-х гг. как «концентрате» «советскости». Такую однобокую картину, возможно, создает выбранный узкий ракурс рассмотрения темы и её статистическое измерение, но объективно следует отметить стремление авторов букварей сделать их полезными и привлекательными для детей, широко размещая в них рисунки о природе, школьной и домашней повседневности, санитарной гигиене, детских играх.

Ключевые слова: школьный букварь, визуальные образы, «советскость», индоктринация, Северный Кавказ, 1920–1930-е гг.

Список литературы

- Баранникова Н. Б., Безрогов В. Г., Тендрякова М. В.* Правило в(з)гляда: к теории семантико-педагогического анализа иллюстрации в учебнике для начальной школы // «Картинки в моем букваре»: Педагогическая семантика иллюстраций в учебнике для начальной школы. М., 2013. С. 9–60.
- Борисов С. Б.* Энциклопедический словарь русского детства: в 2 т. Т. 1. А — Н. Шадринск, 2008.
- Волков В. В., Хархордин О. В.* Теория практик. СПб., 2008.
- Капран В. И., Капран О. В.* Психология и разработка рекламной продукции. М., 2008.
- Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. СПб., 2000.
- Макаревич Г. В.* Иллюстрация в учебной книге: семантико-педагогический анализ (исследовательская матрица) // «На фоне Пушкина воспитанное детство»: Педагогика визуального в учебнике и на картине: сб. ст. и материалов. М., 2011. С. 193–284.
- Маркарова Т. С., Безрогов В. Г.* Партийное возвращение к чистой человечности // «Бук-

- варь — это молот»: учебники для начальной школы на заре советской власти 1917–1932 гг.: сб. науч. тр. и материалов. М., 2011. С. 6.
- Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М., 1997.
- Пирс Ч. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3. С. 88–95.
- Попов М. Е. Антропология советскости: философский анализ: дисс... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004.
- Рожков А. Ю. Иммунизация «советскости»: северокавказский букварь как транслятор идеологии (1927–1932 гг.) // «Начало учения дтьемь»: роль книги для начального обучения в истории образования и культуры: сб. ст. под ред. В. Г. Безрогова, Т. С. Маркаровой. М., 2014. С. 277–307.
- Сальникова А. А. «Блестящий воспитатель»: ёлочная игрушка как инструмент наделения «советскостью» // Ребенок в истории и культуре: тр. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 4. М., 2010. С. 370–402.
- Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007.
- Сенькина А. А. Книга для чтения в 1920-х годах: старое vs новое // Учебный текст в советской школе: сб. ст. / С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский, сост. СПб., 2008. С. 38–44.
- Штомпка П. Визуальная социология: Фотография как метод исследования. М., 2010.
- Fürst J. Stalin's last generation: Soviet post-war youth and the emergence of mature socialism. Oxford; New York, 2010.

St. Tikhon's University Review.
Series IV: Pedagogy. Psychology.
2017. Vol. 45. P. 57–72

Rozhkov Alexander,
Doctor of Science in History, Associate Professor
Kuban State University
149 Stavropol'skaia ul., Krasnodar
350040, Russian Federation
alexrozhkov14@yandex.ru

VISUAL IMAGES OF “SOVIETNESS” IN ABC BOOK OF 1920S AND 1930S: CONTENT, STRUCTURE, DYNAMICS

A. ROZHKOV

The aim of the paper is to identify and describe the dynamic, structure and content of visual images as a tool for “Sovietist” indoctrination in ABC books for North Caucasus schools from the period of 1927–1932. The author recommends the definition of the term “Sovietness”, which up to now has not been clearly conceptualised, and puts forward the idea that the most prominent feature of “Sovietness” was strong opposition of the Soviet canon to the “strange”. The latter was usually associated with the pre-Soviet period (monarchic and/or pre-revolutionary) and the Western world (bourgeois, capitalistic). Six ABC books were used as sources for the study. Each of them was published in the 1920s and 1930s for primary schools of North Caucasus. 494 pages have been looked through, 444 of them contain visual images. Methodologically, the first

part of the paper follows the framework of the formal semiotic analysis of illustrations and visual images based on C. Pearce's typology of signs. The second part of the paper employs P. Sztompka's conception of the structural interpretation in the form of an INIS scheme. The aim is to interpret deeper social structures reflected in the illustrations. The paper offers two special terms, namely the "integral mark of Sovietness" and "visual mark of Sovietness". Empirical data shows that the "Sovietness" visual index increased by 3.5 times from 1930 to 1932, when the integrated method of teaching was replaced with an education system involving various school subjects. At the same time, the role of text images in the sovietisation of primary school children became more prominent than that of visual ones. It appeared much easier to internalise Soviet ideals in the child's mind by means of an ideologically tinted text than through a picture, as it was the case in the 1920s. In this particular situation, there is no reason to consider ABC books of the 1920s and 1930s to be a "concentrate" of "Sovietness".

Keywords: ABC book, visual images, "Sovietness", indoctrination, North Caucasus, 1920–1930s.

References

- Barannikova N. B., Bezrogov V. G., Tendrjakova M. V., *Pravilo v(z)gljada: k teorii semantiko-pedagogicheskogo analiza illjustracii v uchebnike dlja nachal'noj shkoly*, in: «Kartinki v moem bukvar'e»: *Pedagogicheskaja semantika illjustracij v uchebnike dlja nachal'noj shkoly*, Moscow, 2013, 9–60.
- Borisov S. B., *Jenciklopedicheskij slovar' russkogo detstva: v 2 t. T. 1. A — N*. Shadrinsk, 2008.
- Fürst J., *Stalin's last generation: Soviet post-war youth and the emergence of mature socialism*. Oxford; New York, 2010.
- Kapran V. I., Kapran O. V., *Psihologija i razrabotka reklamnoj produkcii*, Moscow, 2008.
- Lotman Ju. M., *Vnutri mysljashhij mirov*. St. Petersburg, 2000.
- Makarevich G. V., *Illjustracija v uchebnoj knige: semantiko-pedagogicheskij analiz (issledovatel'skaja matrica)*, in: «Na fone Pushkina vospitannoe detstvo»: *Pedagogika vizual'nogo v uchebnike i na kartine: sb. st. i materialov*. Moscow, 2011, 193–284.
- Markarova T. S., Bezrogov V. G., *Partijnoe vozvrashhenie k chistoj chelovechnosti*, in: «Bukvar' — jeto molot»: *ucebniki dlja nachal'noj shkoly na zare sovetskoj vlasti 1917–1932 gg.: sb. nauch. tr. i materialov*, Moscow, 2011, 6.
- Muhina V. S., *Vozrastnaja psihologija: fenomenologija razvitija, detstvo, otrochestvo*, Moscow, 1997.
- Pirs Ch., *Chto takoe znak?* in: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofija. Sociologija. Politologija*, 2009, 3, 88–95.
- Rozhkov A. Ju., *Immunizacija «sovetskosti»: severokavkazskij bukvar' kak translator ideologii (1927–1932 gg.)*, in: «Nachalo uchenija detem»: *rol' knigi dlja nachal'nogo obuchenija v istorii obrazovanija i kul'tury: sb. st. pod red. V. G. Bezrogova, T. S. Markarovoj*, Moscow, 2014, 277–307.
- Sal'nikova A. A., «Blestjashhij vospitatel'»: *jolochnaja igrushka kak instrument nadelenija «sovetskost'ju»*, in: *Rebenok v istorii i kul'ture: tr. seminarov «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki»*. Vyp. 4. Moscow, 2010, 370–402.
- Sal'nikova A. A., *Rossijskoe detstvo v XX veke: istorija, teorija i praktika issledovanija*, Kazan', 2007.
- Sen'kina A. A., *Kniga dlja chtenija v 1920-h godah: staroe vs novoe*, in: *Uchebnyj tekst v sovetskoj shkole: sb. st.*, ed., S. G. Leont'eva, K. A. Maslinskij, St. Petersburg, 2008, 38–44.
- Shtompka P., *Vizual'naja sociologija: Fotografija kak metod issledovanija*, Moscow, 2010.
- Volkov V. V., Harhordin O. V., *Teorija praktik*, St. Petersburg, 2008.